

Г. В. Апинян

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН (введение в проблему)

*Работа представлена кафедрой философии РГПУ им. А. И. Герцена.
Научный руководитель – доктор философских наук, профессор А. А. Грякалов*

Девияция (отклоняющееся поведение) является одной из центральных проблем в современной психологии, социологии, подростковой педагогике, политологии и т. д. Социокультурные типы девиации: коллективная и индивидуальная; сакральная, сакрализованная, игровая; девиация в экстремальной ситуации. Особый род девиации – молодежный «экстрим».

Ключевые слова: девиация, девиантность, девиантное поведение, экстрим.

G. Apinyan

DEVIANT BEHAVIOUR AS A CULTURAL AND HISTORICAL PHENOMENON (introduction to the problem)

The problem of deviation (deviating behaviour) is a central one in modern psychology, sociology, youth pedagogy, political science, etc. Sociocultural types of deviation are: collective and individual; sacral, sacralised, game deviation; deviation in an extreme situation. A special kind of deviation is youth "extreme".

Key words: deviation, deviance, deviant behaviour, extreme.

Проблема девиации (отклоняющегося поведения) является одной из центральных в современной психологии, социологии, подростковой педагогике, политологии и т. д. Девиация имеет множество форм и типов. Коллективная, сакральная по своей сути, или являющаяся игровым реликтом таковой: культово-обрядовые действия, традиционные праздники, карнавал, государственные и «народные» праздники. Девиантное поведение в экстремальных условиях: от погрома, бунта и революции до витальных ситуаций при землетрясении или террористическом акте.

Девиация коллективного типа связана непосредственно с девиантной ситуацией. В зависимости от преобладающей референции феномен приобретает характер управления (включая магическое) или деструктивной реакции.

Одним из вариантов девиантного поведения являются молодежные движения: от «студенческой революции 68-г.» до современных «экстремалов».

Особую форму девиации представляют собой девиантные сообщества: институтированные (пиратское «братство», мафиозные кланы и пр.) и иерархически структурированные (хулиганские сообщества, криминальная группа, «банда»).

Индивидуальная девиантность может иметь сакральный характер, ее носители – шаман, юродивый, святой. Имеет светский вариант: денди, философ, человек художественной или социальной богемы, нищий или «клошар».

Среди типов и форм девиации выделяется личность творческого (художественно, научно) андеграунда – противопоставляющая себя обществу и традициям, вступающая с ними в конфликт. Девиантность и деструктивность являются существенными чертами психологии андеграунда (богемы). По семантике и формам поведения девиантность андеграунда совпадает с девиантностью хулиганства, при всех различиях в ноуменальной сущности, задачах и мере криминальности. Не случайно

яркие представители российского андеграунда начала XX столетия Маяковский, Бурлюк и другие называли себя «хулиганами» и позиционировали аналогичный тип девиантного поведения.

Вместе с тем андеграунд относится к типу положительной девиации, продуцирует новые формы социальной и художественной деятельности. В частности, формы, сложившиеся в практике XX в., активно развиваются сегодня. Андеграунд (как и современный молодежный экстрим — отдельная тема для исследования) является примером культуросозидающей девиации.

Отметим ряд особенностей изучения девиантности, определивших характер отношения к ней самой, ее существованию и месту в социокультурном континууме.

Исторически сложилось так, что объяснительные теории девиантности развивались в рамках криминологии и общей социологии, отчасти — демографии, наркологии и суицидологии. Соответственно, подавляющее большинство из имеющейся литературы — по криминологии и социологии девиантности, не говоря уже о первоисточниках — трудах виднейших социологов и криминологов. Закономерно, что в оценке девиантности преобладает отрицательная интонация.

Нет единства в периодизации истории социологии девиантности и классификации различных девиантологических направлений, школ, концепций. Нередко взгляды одного и того же автора рассматриваются многочисленными исследователями в рамках различных школ, направлений и под им соответствующим углом зрения.

Вместе с тем девиантность обладает способностью мутировать в социально-приемлемые формы, представать как отрицательным, так и положительным феноменом в перспективе общественного развития.

Неудивительно, что большинство современных, прежде всего западных социологов, криминологов, девиантологов отказывается от обоснования комплекса причин девиантности (в том числе преступности) и ее преумножения, ограничиваясь задачей обосновать «корреляции против причинности» (*correlation versus*

causation). Вместе с тем, во-первых, выявление факторов, влияющих на уровень, структуру, динамику отдельных видов девиации действительно представляет собой важную исследовательскую задачу. Во-вторых, вся история девиантологии (и криминологии как наиболее развитого ее элемента) есть поиск причин, факторов, обстоятельств, обуславливающих возникновение и изменение девиантности и ее видов. В-третьих, именно в процессе такого поиска рождались девиантологические и криминологические концепции и теории, добывался огромный фактографический материал, подтверждающий или же опровергающий те или иные научные гипотезы. В-четвертых, без знания факторов, так или иначе влияющих на «девиантность» и ее отдельные виды, невозможна адекватная социальная реакция общества, более или менее эффективный социальный контроль.

Зарождение и развитие многочисленных теорий социальной девиантности традиционно связывают с именем великого французского социолога Э. Дюркгейма. Считается, что именно его концепция социальной аномии легла в основу большинства современных теорий девиантного поведения.

Проблема социальной девиантности интересовала ученых и политиков и исследовалась в рамках криминологии еще задолго до Дюркгейма, а термин «аномия» впервые появился в английском языке еще в 1851 г. и использовался теологами для обозначения пренебрежения правом, в частности божественным.

Особую роль в теории социальной девиантности сыграли работы Р. К. Мертона. Общеизвестной заслугой Р. Мертона является то, что он предложил концепцию, позволяющую выделить и охватить в рамках единого подхода все основные формы социальной девиантности и указать на ее основную причину. Он не ограничился абстрактным определением девиации, а попытался конкретизировать его. И, несмотря на многочисленную критику его концепции, попытка эта, со всей очевидностью, оказалась успешной.

Динамизм социальных процессов, продемонстрированный Россией на рубеже XX—XXI вв., привел к глубоким изменениям во всех

сферах общественной жизни, и прежде всего в общественном сознании. Преобразования привели к свободной миграции ценностных приоритетов по шкале культурной девиации. Российская культура последних десятилетий представляет собой арену столкновения самых разных ценностных ориентаций. Наряду с прочим осуществляется попытка совместить ценности рациональной культуры с иррациональными, религиозно-мифологического характера. Доминации, считающиеся в рационалистически ориентированном обществе родом девиации или маргинального поведения, выходят на поверхность и легализуются в качестве приоритетных форм жизнедеятельности. К ним относятся, в частности, изотерически ориентированные мировоззрения и их поведенческие эквиваленты. В современном российском обществе социально и культурно приемлемыми стали «мягкие» и относительно безопасные для социума формы девиации: колдуны, ведьмы, шаманы, а также «жесткие» и социально опасные – в виде сатанистских сект или практики вуду.

Особый тип девиации представляют собой «лиминалы» (термин В. Тэрнера). Лиминал (от *лат.* *limes* – межа, пограничная линия; *limināris* – служащий порогом, начальный, заглавный) – личность, стремящаяся преодолеть все границы, демонстрирующая своим поведением нежелание адаптироваться к обществу, признавать его законы – как юридические, так и неформальные. При равных условиях лиминалы могут стать разбойниками, убийцами, но также революционерами, террористами, героями – представителями и носителями как социальной деструкции, так и прогрессивных социальных преобразований.

В условиях революций, переходного типа общества девианты-лиминалы становятся строителями новой государственности. Войдя во власть, сталкиваются с проблемой двойного характера: необходимостью восстанавливать социальные нормы и одновременно актуализировать границы, дабы было что преодолевать. Яркая черта этого типа девиантов – существование на пределе, потребность в жертве (самопожертвовании или жертвоприношении).

По нашему мнению, индивидуальная девиация имеет устойчивые (универсальные) формы и типы, воспроизводящиеся в реалиях настоящего времени.

Вопрос о формах и способах проявления девиантности выводит на семиотическую проблематику. *Знаки девиации* – одежда; отношение к формам повседневности; семантика жеста и жестовая субкультура; стиль жизни; стиль мышления и речи, языковая субкультура (жаргон, «заумь»).

Говоря в целом, можно утверждать, что девиация (девиантность) – явление *поливалентное*. С одной стороны, она является своеобразной формой адаптационного поведения, способом реагирования, а изменение ее форм и видов свидетельствует об объективных, имплицитных процессах в обществе. В этом случае общество со временем легализует девиантов и девиацию под видом новых форм культурной деятельности. С другой стороны, девиация выходит на поверхность общественной жизни в качестве деструктивного поведения, но и в этом случае требуется оценка и реагирование, адекватное самому феномену и его роли в общественной жизни.

В образовании и оценке девиантности и девиации определяющую роль играет не столько психически-социальная аномалия, сколько контекст. Однако в клинической психологии мы сталкиваемся с еще большей, чем в социологии, неразработанностью вопроса девиации, ее последствий и преодоления.

Рассуждая о девиации и девиантологии в контексте XX столетия, следует вспомнить о том, что на границе с этим веком уже существовала концепция, редчайшей эмоциональной и прогностической полноты, в которой обоснована ценность девиации, описан и превращен в «культовую» фигуру тип девианта, вскрыта глубина его переживаний, трагедийная правота его претензий к жизни и обществу. Философию *Ф. Ницше* можно рассматривать как манифестацию и обоснование девиантности, сформулированную в категориях оргиастического дионисийства, нигилизма, декадентства, анархизма, сверхчеловека и т. д. А также как теорию психологии девианта и девиантного этоса.

ФИЛОСОФИЯ

Имеющаяся по проблеме литература обширна, но узко ориентирована: на статистику; социологию девиации; меры по контролю и профилактики. Имеются исследования по частным вопросам девиантологии: подростковая и молодежная преступность, беспризорность и неблагополучные семьи, молодежная наркомания и алкоголизм, психопатологические основания девиантного поведения и т. д.

Меры по профилактике, нейтрализации и устранении девиантных проявлений являются темой особого корпуса научной литературы и конкретных социо- и психологических исследований. Они должны были бы выполнять функцию обоснования государственной

политики, но, к сожалению, у современного российского государства другие цели.

Особый поворот темы связан с современной глобалистикой, идеями и ценностями постмодернизма, постматериализма (У. Бек, И. Уоллерстейн и др.), с распространением в социологии и культурологии кросскультурного подхода к формам поведения и социально-психическим явлениям.

Не только представления о дозволенном – недозволенном, нормальном – отклоняющемся, о релятивности и конвенциональности девиаций претерпевают изменения, но и само это изменение стимулирует развитие девиантологии, способствует рождению новых концепций и взглядов.